

Невинный соблазн

И сеть замысловатой лжи плели, Решившись в первый раз на суетность обмана.

Сэр Вальтер Скотт. Мармион

Глава 1

Англия, 1835

— Такого просто не может быть!

Леди Мередит Брукшир раздраженно мерила шагами гостиную. В кулаке она крепко сжимала скомканное письмо, доставленное с последней почтой.

— Дай и мне взглянуть, а то ты его сейчас порвешь, — нетерпеливо взмахнув рукой, попросила ее тетушка.

Мередит бросила взгляд на скомканную бумагу и быстро протянула письмо тете с таким видом, словно это была ядовитая змея. Впрочем, погребальный звон и впрямь сейчас звучал в ее сердце.

Нашелся... нашелся *новый* лорд Брукшир. В послании речь не шла о том, где же они его

отыскивали, но Мередит не сомневалась — в самое ближайшее время он свалится им на голову, как стервятник, почуявший легкую добычу.

Женщину одолевали мрачные мысли. Несмотря на глубокую убежденность поверенных ее покойного мужа в том, что он давно мертв, они все же развернули бурную деятельность и в конце концов отыскивали *нового* лорда. Несносные адвокатишки! Зачем им потребовалось столь скрупулезно следовать букве закона?

Тетушка разгладила скомканный лист бумаги и принялась читать. С каждой секундой недоумение на ее лице все возрастало.

— Дорогая! Разве он не умер?

Мередит продолжала нервно расхаживать по комнате, потирая запястьем лоб в тщетной попытке унять начинающуюся головную боль.

— Если это не бестелесный дух собирается заявиться к нам, то Николас Колфилд все еще жив и пребывает в совершеннейшем здравии. Он намерен предъявить права на свое наследство.

Женщина замерла на месте, только сейчас в полной мере осознавая все разрушительные последствия появления в ее жизни Николаса Колфилда. Бедность и полное унижений прозябание. Злой рок тяжелым камнем лег ей на грудь.

Колфилд наверняка поспешит избавиться от

присутствия в доме вдовы своего сводного брата и немногочисленной родни, живущей с ней под одной крышей. А что дальше? У них нет никого близкого, кто бы согласился приютить их. После смерти Эдмунд ничего не оставил *лично ей*. Не то чтобы Мередит надеялась на это, учитывая, сколь мало заботы и участия он оказывал жене на протяжении долгих лет, однако... Она не предполагала, что ее супруг умрет таким молодым. Ему исполнилось всего-то тридцать пять лет. Во время нечастых встреч Эдмунд казался ей вполне здоровым человеком.

Пальцы на опущенных руках сжались в кулаки.

— Чертов Эдмунд! Разве мужья не выделяют женам долю в наследстве на случай своей непредвиденной смерти?

— Не сквернословь, родная! Не стоит плохо отзываться о покойных, — неодобрительно шикнула на нее тетушка Элеонора. — Сейчас, когда мы тут беседуем, он и так, без сомнения, испытывает адские муки в преисподней.

Мередит едва заметно улыбнулась. Злость совершенно не была свойственна характеру тети. Ноздри тетушки Элеоноры трепетали от презрения.

— Учитывая все те невзгоды, которые он накли'кал на твою голову, Всевышний едва ли отнесется к нему снисходительно, когда милорд

предстанет пред Его очи на Страшном суде.

— Ничего особенно неприятного в моей жизни не было, тетушка. — Ложь слетала с языка Мередит с привычной непринужденностью. — Он не являлся жестоким человеком, никогда меня не обижал, Эдмунд просто... — Женщина запнулась, не находя подходящее слово, наконец, передернув плечиками, она закончила фразу: — Отсутствовал дома.

— И это «отсутствие» затянулось на семь лет! — Тетушка Элеонора никак не желала успокаиваться.

Признаться, Мередит были хорошо знакомы и успели наскучить все эти возмущения тети по поводу жизненной позиции ее племянницы.

— Меня вполне устраивало подобное положение вещей. — И вновь она соврала не задумываясь. *Устраивало?* Если уж начистоту — она просто свыклась со своим одиночеством. — Многие жены были бы только рады избавиться от навязчивого внимания своих мужей.

— А вот лично *мне* твой супруг принес множество неудобств. Взгляни-ка на это ужасное платье! Нельзя плохо отзываться о мертвых, пусть даже у них была столь порочная душа, как у милорда, но я и слова доброго не скажу о нем после того, как нам приходится облачаться в столь уродливые одеяния. — Тетушка с отвращением

одернула туго накрахмаленную легкую полушерстяную ткань своего траурного платья. — Я не хочу целый год носить черное, *особенно по нему*. У меня к тому же нет черной шляпки.

Мередит бросила взгляд на свое собственное убранство и нахмурилась. Тетя совершенно права. Ничто не в состоянии украсить платье столь чудовищного вида. Шляпка здесь не поможет.

Тетушка Элеонора окинула племянницу хмурым взглядом.

— Сейчас ты больше похожа на призрак, чем на живого человека. Ты совсем себя загоняла.

Мередит тяжело вздохнула и со скорбным выражением лица дотронулась до щеки. Если не обращать внимания на несносные веснушки, кожа у нее белая словно молоко. С такой кожей — в черном платье или не в черном — она все равно похожа на привидение.

— Мы живем не в столице, а в Эттингеме. Кто нас осудит за сокращение траура, скажем, до трех месяцев? — продолжила излагать свою мысль тетушка Элеонора, передернув худенькими плечиками. — Все знают, что ваш брак не заладился с самого начала. Никто не станет осуждать нас, если мы немного отойдем от правил.

— У меня был вполне сносный брак.

Мередит сердито уставилась на тетушку, задетая за живое тем, что о ее несчастье «все

знают». Если уж и следует кого-то винить за это, так саму тетушку Элеонору, которая не преминула пожаловаться на горькую судьбу племянницы всем в Эттингеме, кто согласен был выслушать ее.

— Чушь! Милорд до неприличия пренебрежительно относился к тебе.

— Лишь ты находила его поведение очень уж неприличным, — возразила Мередит, сохраняя стоическую невозмутимость.

Что ни говори, а за прошедшие годы она преуспела в этом. Бывали дни, когда Мередит почти верила, будто годы невнимания со стороны мужа ее нисколько не задевают. Вот только присутствие тети всегда выводило молодую женщину из душевного равновесия.

— Отвратительно! То, как он оставил тебя здесь, просто отвратительно! — с неумолимостью продолжала настаивать на своем тетушка Элеонора. — Готова поклясться, не этого хотел граф. Быть может, и хорошо, что старый джентльмен не дожил до того дня, когда его сын бросил тебя.

— Не сомневаюсь, что род графа не оборвется, вот только внуки будут от другого его сына...

Мередит тяжело опустилась на козетку¹. Руки

---

¹ Козетка — двухместный диван или кушетка. (Здесь и

женщины безвольно повисли.

— Тебе следовало бы родить этих наследников. Если бы Эдмунд был достойным мужем, у тебя сейчас была бы дюжина младенцев. Он даже не вступил с тобой в отношения после брака...

— Прошу тебя! — Мередит подняла руку, останавливая словоизлияния тети.

Некоторые воспоминания слишком болезненны, чтобы вслух воскрешать их. Она до сих пор не могла избавиться от горечи той ночи, когда Эдмунд отказался выполнить свой супружеский долг и покинул ее.

— Теперь же нас лишают Оук-Рана, а ведь хозяйство держалось только на тебе. Ты следила за домом, управляла слугами, решала все вопросы с арендаторами, занималась сбором урожая, ведала делами на молочной ферме... — загибая пальцы, принялась перечислять тетушка.

— Знаю... знаю... — перебила ее Мередит. — Как-нибудь обойдусь без напоминаний.

Внезапно выступившие слезы щипали глаза. Женщина заморгала, стараясь не дать им предательски заструиться по ее щекам. Даже узнав, что Николас Колфилд жив и вскорости унаследует

все, Мередит сохраняла внешнюю видимость спокойствия. Впрочем, еще один брошенный камень вполне может разбить вдребезги эту стеклянную хрупкость кажущейся невозмутимости.

Оук-Ран стал домом ее сердца. Она сделала его таким. Мередит приказала поменять обстановку особняка. По ее инициативе вокруг старого поместья елизаветинских времен разбили цветущий сад. Женщина не желала потерять Оук-Ран. Она не сдастся без боя. А еще ей приходится думать не только о собственном благе. Надо заботиться о тетушке и об отце. Кроме того, не стоит забывать о Мари и Нелсе. Ради их блага она должна быть сильной и побороться за их общий дом.

— Я не хочу отдавать Оук-Ран, — скрестив руки на груди и обняв себя за плечи, заявила Мередит. — Должен же быть какой-нибудь выход.

— Да, но тебе следует поспешить, — недовольно пробурчала тетушка, в очередной раз без малейшего зазрения совести перекладывая ответственность за собственную судьбу на плечи племянницы. — У нас теперь даже домика приходского священника не осталось. Нам некуда возвращаться.

Мередит тяжело вздохнула. У нее начиналась головная боль.

Тетушка, чья худенькая фигурка напоминала своей хрупкостью мазок кисти художника, встала с

расшитой цветочным узором кушетки и подошла к позолоченной каминной полке. Не успела племянница и глазом моргнуть, как родственница схватила оттуда одну из множества хрустальных безделушек, расставленных на полке, и спрятала дорогую вещь себе в карман.

— Тетушка! — предостерегающе обратилась к ней племянница, но не смогла сдержать срывающегося с уст смеха.

Тетя Элеонора широко раскрыла глаза, изображая чистейшую невинность.

— Разве мы теперь не должны сами позаботиться о себе, дорогая?

Тетушка всегда старалась приободрить племянницу. Именно тете пришлось утешать Мередит, когда девушка проснулась на холодном брачном ложе, а резкие слова Эдмунда еще звучали в ее ушах. Тогда Мередит думала, что просто не переживет случившегося. То, что сын графа пожелал сочетаться с ней законным браком, казалось сродни чуду. Она полагала, что, коль скоро Эдмунд сделал предложение ей, старомодно одетой дочери приходского священника, он должен быть без ума влюблен в нее, но житейская логика на сей раз подвела ее.

Мередит вновь вспомнила события той первой брачной ночи и мысленно вздрогнула. Кажется, этой кровоточащей ране никогда не суждено

затянуться. Впрочем, Мередит уже не была той наивной восемнадцатилетней девчонкой. Она поумнела, набралась житейской мудрости и больше не надеялась на то, что рыцарь в сверкающих доспехах примчится к ней на помощь.

Жизнь научила ее, что мир не для неженков. Лишь от мужской воли зависело, будет она жить в роскоши либо в нужде. Никогда больше Мередит не доверит свое спасение мужчине. Никогда не поверит в любовь, по крайней мере, в любовь по отношению к ней самой со стороны мужчины. Лучше уж ее сердце превратится в маленький твердый камень. Каменное сердце никто не сможет разбить.

Вот только и оно все равно способно испытывать страх, страх оказаться в зависимости от незнакомца. Теперь ее судьба находится в руках человека, который с легкостью может выгнать ее из дому без пенни за душой. Они, в конце концов, родственники не по крови. Николас Колфилд ничем не обязан ей.

Если бы от Мередит никто не зависел, она легко смогла бы найти себе место гувернантки или пойти в компаньонки к какой-нибудь леди. Но ей приходилось заботиться и о других.

Ее отец, да благослови Господь его душу, становился все большей и большей обузой. Своим несуразным поведением он пугал домашнюю

прислугу. Вчера он напал на горничную, которая пришла менять постельное белье в его спальне. Отец вопил, что она испанская шпионка, посланная за тем, чтобы отравить его. Батюшка Мередит всю жизнь увлекался историей и теперь черпал в ней пищу для своего безумия. Временами он воображал себе, что за окном XVI век, а папские шпионы готовят убийство королевы Елизаветы. Новый граф, без сомнения, пожелает избавиться от такого жильца. Никто не захочет, чтобы по дому бродил полоумный старец. С тех пор как отец стал таким несносным, половина слуг, не выдержав, попросили расчета. Остались наиболее покладистые, вроде Мари и Нелса. В прошлом бродячие актеры, они не могли считаться домашней прислугой в полном понимании этого слова. Их судьба также во многом зависела от нее.

Отчаяние, резкое, словно уксус, поднималось в Мередит, грозя задушить ее. Если бы только она могла унаследовать Оук-Ран. Если бы только могла родить Эдмунду наследника... Тогда ничего плохого им не грозило бы... Если бы только...

Мередит замерла и слегка покачала головой. Она и прежде тосковала о ребенке, но никогда еще эта тоска не была столь всеобъемлющей. Подойдя к камину, молодая женщина стала подле своей тети. Опершись локтем о позолоченную поверхность, произнесла:

— Жаль, что я не смогла родить ему наследника.

Тетушка, повернув голову, пристально взглянула на племянницу своими чуть прищуренными, пронизательными глазами. У Мередит закололо в области затылка.

Достав из кармана платья хрустальную безделушку, тетя Элеонора осторожно поставила ее обратно на каминную полку, легким движением провела по хрусталу рукой так, словно гладила его, а затем с обманчивой безмятежностью поинтересовалась:

— Когда написано письмо?

— А что такое?

— Просто любопытно, — прикоснувшись пальцем к губе, задумчиво произнесла тетушка. — Сколько времени есть у меня для того, чтобы распространить приятную весть о том, что моя племянница ожидает ребенка от покойного графа, прежде чем заявится этот Николас Колфилд?

После довольно продолжительной паузы Мередит наконец разомкнула уста. Говорила она не спеша, с расстановкой, словно старалась вразумить неразумного ребенка. Видно было, что дается это ей с трудом.

— Не получится. Я уже много лет не видела Эдмунда. К тому же мы так ни разу и не poznали друг друга... — Щеки ее покраснелись из-за того,

что приходилось обсуждать с родственницей столь деликатные материи. — Мы так по-настоящему и не стали мужем и женой...

— Я это знаю, но больше — никто.

Глаза Мередит округлились. До нее наконец-то дошло.

— Не хочешь же ты... — Она прижала ладошки к горящим от смущения щекам, не в силах закончить свою мысль.

— У тебя есть что предложить получше? Лично я не собираюсь жить на улице. Влачить нищенское существование — это не по мне.

— Ну... Нет. Должен же быть другой выход. Мы даже не знаем нового графа. Быть может, он окажется...

— Сама доброта и великодушие, — совсем неподобающим для воспитанной дамы образом фыркнула тетушка Элеонора. — Весьма сомневаюсь. Как-никак, а он приходится родней Эдмунду. Уверена, что Николас столь же бессердечен, как и его брат.

— Надеюсь, он позволит нам остаться жить во вдовьем домике...

Произнося эти слова, Мередит осознавала, насколько неубедительно они звучат. Ни на секунду молодая женщина сама не поверила в возможность благородства со стороны брата Эдмунда, если уж ее покойный супруг особым великодушием и

снисходительностью не отличался. Кровь есть кровь, что бы кто ни говорил.

— Уж скорее он окажется бессердечным, жадным негодяем, который тот час же распорядится выгнать нас из дому, — затараторила тетушка Элеонора, трясая головой, облаченной в ярко-красную шляпку без полей. — Ты ничего не потеряешь, пойдя на этот обман, Мередит. Это обман во благо, поскольку он нас спасет.

Обман во благо. Невидимая веревка, обхватив грудь, сжалась так, что Мередит стало трудно дышать.

— Допустим, новый граф окажется несносным человеком и я последую твоему совету, — решив не пререкаться с тетушкой, произнесла Мередит, кивнув при этом. — Что со мной станет, когда он узнает, что я ему соврала? Не упечет ли он меня за это в тюрьму?

— А как он узнает? Не станет же граф лично осматривать тебя?

Мередит сжала пальцы в кулаки, желая унять страстный порыв схватить тетю и хорошенько встряхнуть, чтобы таким образом вернуть толику здравого смысла в ее голову.

— Лишь вдумайся в то, что ты мне сейчас советуешь. Даже я знаю, что женщина в положении должна рано или поздно разрешиться от бремени. И как мне достичь этого?

Тетушка Элеонора вновь уселась на кушетке, подобрала брошенное там же рукоделие и беспечно пожалала плечами.

— Мы найдем ребенка.

— Найдем ребенка? — повторила вслед за ней племянница, изумленно взирая на то, как тетушка проворно орудует иглой и ниткой. Почувствовав легкое головокружение, Мередит слегка тряхнула головой и сухо поинтересовалась: — Где? На базаре?

— Уверена, Нелс и Мари смогут нам помочь в этом дельце. Они весьма сообразительны. Разумеется, нам придется посвятить их в наше предприятие, но им можно всецело довериться, — говорила пожилая женщина, не сводя с племянницы взгляда своих пронизательных глаз. — Сироты в этой стране никогда не переводятся. Сиротские приюты немногим лучше домов скорби для умалишенных. Мы можем спасти одного ребенка от уготованной ему незавидной судьбы. Этим послужим Божьему промыслу.

Наступила очередь Мередит хмыкать.

— Не уверена, что за такое деяние Всевышний поставит звездочку напротив наших имен в своей книге.

Иголка замерла в руке тетушки Элеоноры. Она, призадумавшись, склонила голову.

— Мальчик придется кстати. Он станет

наследником. Девочка не сможет вернуть нам то положение в обществе, которое ты занимала до смерти мужа.

Иголка возобновила свои монотонные движения.

Понимая корыстность подоплеки рассуждений тети, Мередит даже не попыталась оспорить логику ее слов. Молодая женщина чувствовала, что сдает позиции, поэтому озвучила еще одно возражение:

— Я не представляю, как растить ребенка...

— Ерунда. Ты со всем справишься. Тебе всегда хотелось стать матерью. Теперь будешь иметь шанс осуществить это. — Тетушка Элеонора содрогнулась всем телом так, словно перспектива материнства вызывала в ее душе неподдельное отвращение. — И это хорошо, ибо тебе придется справляться самой. От детей в доме ужасный беспорядок, особенно от мальчиков. Ты будешь вынуждена заниматься воспитанием малыша.

Перспектива одной растить ребенка отнюдь не пугала Мередит. Как раз наоборот. При мысли о малыше на сердце у нее сразу потеплело. Но ей предстояло обманывать того, кто должен стать новым графом Брукширом, и от этого душа ее вновь наполнилась тревогой. А какой у нее вообще есть выбор? Либо пойти на обман, либо прожить оставшуюся жизнь в благопристойной бедности,

страдая от непомерных требований взбалмошной тетушки и немощного отца.

Мерedit прикрыла глаза, стараясь смягчить шум, издаваемый малюсенькими молоточками, которые стучали по ее вискам. Словно подхваченная сильным течением, молодая женщина вдруг ощутила себя маленькой и беспомощной.

— А что будет, если меня изобличат? — открыв глаза, спросила Мерedit. — За попытку обмануть графа меня могут сурово наказать.

— Ерунда, — с чувством полнейшей уверенности в своих словах, грозно сверкнув глазами, сказала тетушка Элеонора. — Кто посмеет сомневаться в правдивости твоих слов? Это вполне осуществимая затея, Мерedit. — Потом, словно всё уже и так было решено, тетушка поднялась со своего места и подошла к столу. — Следует написать письмо мистеру Гримли. Если нам повезет, он приедет в поместье раньше Николаса Колфилда и тебе не придется самой выяснять отношения с этим ужасным человеком. Могу себе представить, как он разозлится, узнав, что не станет следующим графом Брукширом, — говорила пожилая женщина, однако во взгляде ее не читалось и тени тревоги. — Смею надеяться, он не предрасположен к насилию.

Нервная дрожь пробежала по спине Мерedit. Молодая женщина понимала, на кого обрушится

ярость обманутого претендента.

Тетушка Элеонора взяла лист бумаги и, разложив его на столе, схватила гусяное перо, а затем согнутым пальцем поманила к себе племянницу.

— Подойди, дорогуша. У тебя намного лучше получается писать письма. Помоги мне его сочинить.

Мередит встала со своего места и подошла к столу. Она стояла затаив дыхание и смотрела на чистый лист бумаги долго-долго. Ей требовалось время, чтобы план тетушки пустил глубокие корни в ее сознании. Рожденный отчаянием, план этот должен был навсегда прочно связать ее с владениями и деньгами Брукширов. Это обеспечит всем вольготное существование до конца их дней. Молодая женщина моргнула, а затем зажмурилась. Ради благополучия родных можно пойти на многое.

Набравшись храбрости, Мередит сжала дрожащими пальцами перо и, глубоко вздохнув, принялась за дело. Крошечная искра надежды ожила в глубине ее души, пока кончик пера царапал бумагу. *Обеспеченная жизнь для всех* .

Глава 2

Ник не считал себя распутником. К услугам проституток он тем более предпочитал не

обращаться.

— Боюсь, вас ввели в заблуждение. Я не веду дела таким образом, — произнес он, окинув безразличным взглядом стоявшую перед ним красавицу. — Оплата долгов подобным родом — против моих правил.

Молоденькая супруга старого лорда Бассли вздрогнула. К своему удивлению, Ник ощутил, что ему жаль девчонку. Бассли, игрок, человек с весьма дурным и порочным характером, проигрывал каждый вечер целое состояние за столами в заведении Ника. Лорд пал так низко, что взял себе в жены дочь богатого купца. Родителя девочки не волновало то обстоятельство, что его зять — азартный игрок. Его прельстил старинный, известный всем в стране титул. Все деньги, полученные в качестве огромного приданого, ушли на покрытие долгов лорда Бассли, но даже этих средств оказалось недостаточно. Очевидно, лорд Бассли решил, что прелести жены покроют недостачу его финансов.

О том, что к роли проститутки девушка не привыкла, бесспорно свидетельствовало несчастное выражение ее лица. Она очень страдала от унизости своего положения. Если Ник согласится, это даст ей передышку, по крайней мере до тех пор, пока ее муженек вновь не погрязнет в долговом болоте... А потом Бассли снова заставит

жену торговать своим телом, оплачивая очередной долг. Кто знает, кем на сей раз окажется его кредитор?

Однако возникшая ситуация вызывала в душе Ника лишь отвращение. Страх в ее больших глазах напомнил мужчине о другой женщине, униженной и раздавленной тем самым человеком, который, как предполагалось, должен был бы любить и лелеять ее, защищая от всех напастей мира. Ник не хотел иметь к этому никакого касательства, он не желал становиться похожим на отца. За прожитые годы ему приходилось совершать множество заслуживающих осуждения поступков. Он вынужден был воровать, а когда иного выхода не оставалось, — убивать, но всему есть свой предел.

— Сожалею, дорогуща. Быть может, я и негодяй, однако ваше предложение меня не интересует. Покиньте мою комнату тем же путем, которым вы сюда проникли, — сказал Ник, махнув рукой на дверь. — Будьте осмотрительны. Я не хочу, чтобы вас кто-то увидел. Передайте мужу, что если он снова пришлет вас ко мне, то познакомится с моим пистолем.

Глаза ее расширились. Ринувшись к Нику, девушка пала пред ним на колени и схватила его руку своими холодными ладонями.

— Молю вас! Он меня побьет, если я скажу, что вы отказались.

Из-за нестерпимого стыда молодая особа опустила голову. Каскад волос льняного оттенка скрыл от его взора свежее, юное личико.

— Он пошлет меня к другим, пока не соберет достаточное количество денег. Он говорит, что многие мужчины заплатят за меня звонкой монетой.

Ник ощущал, как нечто темное и зловещее растет в его сердце. Мужчина опасался, что, оказись лорд Бассли сейчас перед ним, он с несказанным наслаждением удушил бы этого подонка голыми руками. Колфилд вполне мог справиться с этой задачей без посторонней помощи.

Девушка приподняла свое сверкающее от слез лицо и еще крепче стиснула его руку. Ногти впились ему в кожу.

— Я предпочитаю, чтобы это были вы. Потому что вы красивы. У вас добрые глаза, хотя вы пытаетесь скрыть это.

Неожиданный стук в дверь освободил Ника от надобности вновь отказать ей.

— Кто там?

— Я... Мак. Тебя желает видеть какой-то джентльмен.

— Скажи, чтобы зашел позже.

— Не думаю, будто он согласится уйти, не повидавшись с тобой.

Тяжело вздохнув, Ник высвободил руку из

ладошек девушки.

— Возвращайся домой. Передай мужу, что долг уплачен.

Она ошеломленно приоткрыла рот.

— Однако...

Резким взмахом руки Ник заставил ее замолчать.

— Дело сделано. Когда я вернусь, чтоб и духу твоего здесь не было.

Ник вышел из комнаты прежде, чем девушка принялась выражать признательность.

— Проклятие, — едва слышно пробурчал он, направляясь к себе в кабинет.

Дернув дверь, распахнул ее. Петли немилосердно закрипели, протестуя против столь неуважительного обращения. Ник не может позволить себе быть добреньким. Он еще не так много достиг в жизни, чтобы по малейшему поводу проявлять мягкосердечие.

Даже не взглянув в сторону тех, кто уже находился в его кабинете, Ник напрямик направился к серванту, где он держал спиртные напитки, так как чувствовал, что без глотка горячительного не обойтись. Мужчина уже давно не вспоминал о матери, но маленькая голубка, с которой он только что разговаривал, воскресила к жизни ее призрак. Усевшись в кресло за письменным столом, Ник взглянул на своего

незваного гостя. Мак Свелл, не спрашивая разрешения, сидел развалившись в кресле рядом с незнакомцем. Вместе с Колфилдом Мак владел несколькими игральными «адскими заведениями» и букмекерскими конторами, разбросанными по всему Лондону. У них не было тайн друг от друга.

Не тратя время зря, Ник сразу же перешел к делу:

— Кто вы?

— Гримли, сэ. Альберт Гримли из «Снайд и Гримли».

Ник насупился.

— И что же надобно от меня поверенному в делах?

Гримли заерзал в кресле.

— Ничего, милорд. Я здесь для того...

— Как вы сказали? — оборвал его Ник. Холодная рука сжала его сердце.

Гримли часто заморгал и, казалось, немного стухнул.

— Я... ничего... такого...

Ник грозно подался вперед, опершись грудью о стол.

— Вы, обратившись к моему приятелю, назвали его милордом, — с бесконечным терпением в голосе пояснил Мак.

Гримли, покраснев, с горестным видом потер лоб.

— Ну... да... Не самый лучший способ сообщить весть, полагаю...

— Что за весть? — спросил Ник.

— Миссис Гримли жалуется, что я имею вздорную привычку забегать вперед.

— Какую весть? — повысил голос Ник.

Адамово яблоко Гримли судорожно заходило над краем его шейного платка.

— Ваш сводный брат скончался. Вы, сэр, — следующий граф Брукшир.

Мак присвистнул через щелочку между зубами.

Ник зажмурился и сидел, не открывая глаз, но это не помогло. Наконец мужчина поднял веки. Поверенный в делах все так же занимал место напротив... посланец, доставивший ему сию крайне неприятную новость. А может, он спит и видит кошмар? Ник сильно ущипнул себе ногу под столом. Оказалось, разбудить себя не так уж легко.

— С радостью откажусь в пользу кого-нибудь другого, — вновь обретя способность говорить, заявил Ник.

Нахмурившись, Гримли взглянул на Мака, словно ждал от него объяснений по поводу этого несусветного заявления. Ни один человек в здравом уме не откажется от графского титула.

Пожав плечами, Мак поднял руки вверх, словно расписался в своей полнейшей

беспомощности. Вот только лукавые огоньки в его взгляде свидетельствовали, что Мак испытывает истинное наслаждение от маленького спектакля, разворачивающегося перед ним.

— Вы же сами слышали. А нельзя ли подарить титул кому-нибудь другому? Я лично не откажусь стать графом.

Поверенный неодобрительно хмыкнул, явно не оценив по достоинству юмор Мака, и, откашлявшись, сказал Нику:

— Боюсь, не все так просто, милорд...

— Проще простого, — резко, словно ударив хлыстом, возразил Ник. — И не величайте меня милордом.

Альберт Гримли с явным трудом проглотил комок в горле. Его кадык при этом заходил ходуном. Нику на секунду стало жаль беднягу. Встреча явно протекала не по тому плану, который воображал себе старый стряпчий. Без сомнения, любой на месте Колфилда немедля бросился бы обнимать человека, принесшего эту весть. Вот только Ник не относил себя к таковым. Его устраивал тот образ жизни, который он вел. Любые связи со своим аристократическим происхождением Ник давным-давно сознательно оборвал. В том мире, в котором он жил, отец-граф мало что значил. Ник намеренно постарался позабыть об этом.

— Как вы меня разыскали? — насупившись, спросил он.

— Наш долг заключался в поиске ближайшего родственника покойного графа мужского пола.

— Не стоило вам так утруждать себя. Вычеркните меня из списка и обрадуйте следующего претендента.

— Генеалогическая линия обрывается на вас, милорд. У вашего сводного брата нет детей.

— Обрывается — значит обрывается, — мягким тоном произнес Ник.

— Я не могу...

Лежащая на столешнице рука Ника сжалась с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

— Я подпишу любой документ. Мне ничего не нужно — ни поместий, ни денег, ни титула... в особенности титула.

— Не все так просто, — устало вздохнув, произнес Гримли, с явным беспокойством взирая на большой кулак Ника. — Теперь вы владеете недвижимостью, хотите того или нет. Вы можете продать вашу собственность либо подарить ее, но для этого потребуется оформить кое-какие бумаги. Если дело касается продажи, то вам еще следует найти покупателя. Что касается титула, то тут вы будете вынуждены обратиться в суд. Только суд может официально лишить вас его и Оук-Рана, ибо фамильное гнездо рода передается вместе с

титолом.

Ник поднял руки.

— Не хочу. Вам что, недостаточно одного моего отказа?

Сложив ладони на коленях, мистер Гримли неодобрительно поджал губы. Ник явно не оправдал возлагавшихся на него надежд. Впрочем, самого Ника это не заботило. Стряпчий без приглашения вторгся в его жизнь, и Ник не чувствовал себя чем-то обязанным ему.

Гримли нагнулся, чтобы поднять с пола свою кожаную сумку.

— Полагаю, вы пережили сильное потрясение. Я оставлю вас, чтобы вы обо всем хорошенько подумали. Надеюсь, к утру мы сможем более здраво поговорить обо всем.

— Сомневаюсь, — отрезал Ник, зубы которого были столь крепко сцеплены, что челюсти уже болели.

Гримли напялил на голову свою мрачную коричневую шапку из бобрового меха.

— Ладно. Я свяжусь с вами позже. От вас зависит многое. И речь идет не только о собственности — от вашего решения зависит судьба немалого количества людей.

Ник вопросительно приподнял брови.

— Арендаторов и слуг, — объяснил Гримли. — А еще от вашего решения зависит

судьба леди Брукшир и ее родни. Они до сих пор живут в Оук-Ране.

— Леди Брукшир?

— Вдова вашего брата, — произнес мистер Гримли так, словно Нику следовало знать это.

Неужели стряпчий до сих пор не понял, Нику безразлична семья сводного брата? Он имеет дело с самой паршивой овцой из тех, что когда-либо выгонялись из стада.

— Я и сам найду выход. До свидания, джентльмены.

— Перед уходом выпейте чего-нибудь горячительного, — в спину ему сказал Мак. — Скажите Фреду за стойкой, он нальет.

Прямая осанка Гримли стала еще прямее. Было видно, что предложенный стаканчик он не примет.

— Чопорный малый, — тихо произнес Мак.

Ник равнодушно передернул плечами. Желваки уже не ходили на его скулах.

Закинув ноги на столешницу, Мак, не теряя времени зря, перешел прямо к делу:

— Николас Колфилд, граф Брукшир! Совсем неплохо! Ты унаследуешь все состояние старого графа. Заслуженное наказание. Ну и ну! У меня в пайщиках — аристократ. Представляю, что будет, когда все узнают. Полагаю, теперь ты заживешь другой жизнью, уже не будешь слоняться в таких

местах, как это... Думаю, теперь тебе зазорно будет вести компанию с типами, подобными мне.

Откинувшись на кожаную спинку кресла, Ник сложил руки на поджаром животе и насупился.

— Каким я был, таким и буду. Менять свою жизнь не намерен. Я останусь здесь и продолжу заниматься делом. Неужели ты рассчитывал, будто я все брошу на тебя? — насмешливо приподняв темные брови, спросил Ник. — Кто будет заниматься счетами? Ты даже два к двум правильно прибавить не сможешь. Спустя месяц твоего хозяйствования мы вновь окажемся на улице.

Мак дурашливо прижал руку к груди, изображая приступ сердечной боли.

— Ты поразил меня в самое сердце, приятель. Разве не я подобрал тебя на улице и помог найти себе дело?

Ник приподнял рюмочку на ножке, наполненную бренди, и отсалютовал своему партнеру по бизнесу.

— Отдаю тебе должное, но я был талантливым учеником. Помнишь? Ты не мог да и сейчас не сможешь обыграть меня, даже если от этого будет зависеть твоя жизнь, — ухмыльнувшись, произнес Ник.

— Я всегда остаюсь в выигрыше, — постучав себя по виску, примирительно заявил Мак. — Я сегодня обчистил карманы молодого лорда

Дэрринга. Полагаю, теперь смогу приобрести ту скаковую лошадь, на которую недавно положил глаз.

Ник демонстративно закатил глаза.

— Лорд Дэрринг... Этот постный аристократ особыми талантами не блещет. Он по самую макушку погряз в долгах. Я в любое время могу раздеть его догола и выбросить на улицу.

Глаза Мака округлились.

— Понятия не имел, что его дела настолько плохи. Почему ты в таком случае позволяешь ему играть? Мы же здесь не благотворительностью занимаемся, Ник, а денежки заколачиваем.

— Я не хочу портить репутацию нашего заведения, разоряя герцога и его семью. Это плохо для дела. Не волнуйся. Когда представится удобный момент, я взыщу с молодого лорда все сполна.

Мак едва заметно покачал головой.

— Мне следовало знать, что и здесь ты блюдешь свою выгоду. Что ни говори, а филантропией ты не страдаешь.

— Совершенно верно, — поддакнул Ник, посчитав за лучшее не упоминать о странной «сделке», которую он совсем недавно заключил с молодой женой престарелого лорда Бассли.

Маку не стоит знать обо всем... Запала тишина. Ник понимал, что Мак дает ему время еще раз все хорошенько обдумать, прежде чем они

вновь примутся обсуждать тему, казалось повисшую в воздухе. Долго ждать не пришлось...

— Как я смогу снова стать частью того мира? — произнес Ник и развел руками. — Сегодня я катаюсь на пони между уроком латинского языка и фехтованием, а на следующий день... — Он оборвал себя на полуслове — прошлое высовывало наружу свою голову отвратительного вида. Старый, кислый привкус, который Ник ненавидел всей душой, наполнил его рот. Ему ничего не нужно от человека, погубившего его мать, и от мира, который позволил этому свершиться.

Ник сделал большой глоток бренди, думая о том, не собираются ли его, чего доброго, надуть. Снизу доносились приглушенные голоса, смех и едва слышное жужжание рулетки. Ник подумал о том, что ему следовало бы спуститься. Сегодня роль радушной хозяйки играла Бесс. Ежели он не спустится, она, чего доброго, осерчает, однако Колфилд был не в том расположении духа, чтобы сейчас общаться с «гостями». Темные тени прошлого, возникшие из небытия, основательно подпортили его настроение.

— Не собираюсь я предъявлять права на наследство.

Мак, качая лежащими на столе каблуками из стороны в сторону, медленно кивнул головой.

— Можешь не предъявлять, — только и

сказал он.

Ник понимал — разговор не окончен и то, что он услышит от приятеля, совсем ему не понравится.

— Однако власть в этой стране принадлежит аристократии, — продолжил Мак. — Мы вот пытаемся сейчас получить лицензию на открытие игрового дома по ту сторону реки. Если бы за лицензией обратился граф, ему бы выдали ее в мгновение ока.

Учитывая, что обсуждение со стряпчим вопросов наследства вызвало в его душе столь негативные эмоции, Ник даже представить себе не мог, что сможет когда-либо влезть, что называется, в башмаки отца, какие бы блага это ему не сулило.

— Все, чего я добился и завоевал, добыто моим потом, моей кровью, — стукнув ладонью по столу, заявил Ник.

— Полученное тобой наследство ничуть не умаляет твоих успехов.

— Я ничего не хочу принимать от отца.

Мак почесал затылок.

— Как я понимаю, это не твой отец умер, а твой брат. Это его наследство, а не твоего отца. Твой отец уже давно мертв...

Ник невесело рассмеялся.

— Прошу, уволь меня от необходимости рассказывать тебе, каким был мой братец. Он немногим отличался от своего папаши... —

Поднявшись с места, Ник выглянул из окна, осматривая силуэты городских домов на фоне усыпанного звездами неба. Огни Лондона мигали и мерцали в чернильной черноте ночи. — Мне от них ничего не нужно.

— Понимаю... У тебя есть свои демоны, но, как по мне, это самая хорошая месть из всех возможных. Сомневаюсь, что на свете отыщется еще один граф, который в прошлом был карманником или слышал, как урчит от голода у него в животе. Слава Всевышнему! Ты вырос в Уайтчепеле. Когда войдешь в круг пэров, то, возможно, сможешь что-то изменить в лучшую сторону. Господи! Ты станешь членом палаты лордов!

— Я не реформатор, — чуть улыбнувшись, возразил Ник.

— Однако, если захочешь, то станешь им... или, черт побери, нет...

Мак был всего лишь на два года старше Ника, но внешне казался намного старше своего партнера.

— Покажи им всем нос, — взмахнув руками, заявил Мак. — Пускай на всех их великосветских балах тебя сопровождает Бесс.

— А вот это неплохая идея.

Улыбка Ника стала шире, когда он представил, как пышногрудая особа в крикливых нарядах, с густо накрашенным лицом и

выкрашенными в медно-красный цвет волосами будет сновать среди представителей аристократии.

— А еще — как быть с арендаторами и людьми, за которых ты теперь несешь ответственность? По-моему, нельзя просто отвернуться от них и сделать вид, будто это тебя не касается.

Улыбка угасла. Ник тяжело вздохнул и оглянулся на Мака через плечо.

— К тому же эта вдова моего сводного брата...

— Как ты с ней собираешься поступить? — вопросительно приподняв брови, поинтересовался Мак.

— Пожалуй, доведется мне поселить вдову где-нибудь в подобающем рангу этой особы месте и содержать до конца ее дней, — молвил Ник и провел пятернями обеих рук по волосам, взъерошив их. — Полагаю, мне следует готовиться в путь.

Мак, усмехнувшись, подался вперед, оторвавшись от спинки кресла.

— Возьмешь меня с собой?

— Обойдусь один.

Ник понятия не имел, что ожидает его в доме, где он появился на свет, но понимал, что бороться с демонами прошлого следует в одиночку.

Мак понимающе кивнул головой, хотя по выражению его лица было видно, что он

разочарован.

Встав, Ник опрокинул остатки бренди себе в рот и распрощался с приятелем, радуясь тому, что теперь у него есть возможность побыть в одиночестве. Несмотря на вполне приятельские отношения, Мак все равно не в состоянии понять, насколько предстоящая поездка в дом детства волнует Ника.

Как только Ник переступил порог своей комнаты, он понял, что там еще кто-то есть. Признаться, это ему не понравилось. Сейчас мужчина нуждался в тишине и спокойствии. На кровати кто-то пошевелился. Обнаженная леди Бассли, приподнявшись, замерла, стоя на коленях на его постели. Робкая, полная смущения и надежды улыбка мелькнула на ее губах. Ник оперся плечом о косяк двери. Взгляд его лениво скользил по изгибам тела женщины. Настроение мужчины было из опасных.

— Ты еще здесь? — холодно произнес он.

Красавица кивнула. Льяные волосы спадали на ее пышную грудь.

— Лучше бы ты ушла.

— Я знаю... вы простили его долг... но мне захотелось остаться. Мне хочется хотя бы раз выбрать самой, с кем разделить ложе.

Глаза молодой женщины заволочло поволокой, когда ее взгляд скользнул по его телу.

Оттолкнувшись от косяка двери, Ник широкими, энергичными шагами пересек комнату. Вцепившись пальцами в мягкую кожу ее плеч, мужчина привлек девушку к себе и порывисто поцеловал, таким образом вымещая весь накопившийся за последнее время гнев и раздражение. Он забыл, что недавно давал себе зарок не касаться тела этой особы.

Возможно, в глубине души он тот еще мерзавец...

Поспешно скинув с себя одежду, Ник в обнимку с девушкой опустился на кровать. Движения его были механическими, прикосновения — небрежными. Это станет лишь временным бегством от действительности, непродолжительным отвлечением от окружавшей его пустоты, от вечной ночи, гнездящейся в его сердце.

Когда девушка прижалась к Нику, мужчина почувствовал лишь искорку интереса, проснувшегося в нем. Нельзя ничего чувствовать, если ты подобен пустой раковине. Живой человек должен не только дышать, но *чувствовать*. Однако минули долгие годы, с тех пор как Ник вообще что-либо ощущал.

Глава 3

— Что еще делает женщина, когда у нее

растет живот? — Мередит стояла подбоченившись и озирала детскую комнату, служившую нескольким поколениям Брукширов. Управляя по существу всеми делами в Оук-Ране, она повидала достаточно родов, но лишь теперь поняла, насколько мало знает о том, как ведут себя женщины в положении.

— Ты у меня спрашиваешь? Милая! Я понятия не имею, как нянчиться с детьми... — Тетушка Элеонора настороженно оглядела детскую. Палец едва коснулся уголка колыбельки. Так обычно дотрагиваются до животного, реакцию которого трудно предугадать. А вдруг укусит? — И слава Всевышнему, — отдернув палец от колыбели, промолвила тетушка, содрогнувшись всем телом.

— Но вы же вырастили меня, — возразила Мередит.

Молодая женщина втянула в себя затхлый воздух и направилась к окнам, желая шире распахнуть их.

— Ты была весьма благовоспитанным ребенком и отличалась хорошим поведением. Твой отец не питал снисхождения к тем детям, которые вздорно вели себя. Мне порой казалось, что я воспитываю не обычную девочку, а знатную особу.

Мередит скривилась, осознав, насколько слова тети точно попали в цель. У нее не было беззаботного, веселого детства. Строгость отца и

его хмурый вид убивали в зародыше любые проявления радости. Ей с детства приходилось играть роль взрослой... Строгая, серьезная, благовоспитанная молодая девушка... Пожалуй, это только во благо, что отец не подозревает, в каком мире живет. В противном случае ей пришлось бы выдержать его суровое осуждение за тот обман, который они задумали.

Отмахнувшись от неприятной мысли, Мередит отошла от окна и спросила:

— Ты свыкнешься с тем, что в доме появится ребенок?

— Да, — кивнув, согласилась тетушка Элеонора. — Особенно если дитя станет нашим спасением. Коль уж дело приняло столь крутой оборот, то не лучше ли будет заиметь двоих малышей. Другой будет на всякий случай, ежели что-нибудь плохое случится с первым. Заметив ошалелое выражение на лице племянницы, тетушка поспешно добавила: — Не бери в голову. Я просто пошутила.

— Не такая уж плохая мысль, тетушка. Я подумаю над твоим предложением, — произнесла Мередит и отвернулась, чтобы дорогая родственница не заметила, как кривятся ее губы, когда она пытается не рассмеяться.

— В близнецах нет никакой нужды. И одного ребенка вполне хватит, — выходя из детской

комнаты, фыркнула тетушка Элеонора.

Мерedit нахмурилась. Услышанное ей совсем не понравилось. Уж слишком много холодного расчета прозвучало в словах тети! Хотя первоначально идея тетушки Мерedit не понравилась, теперь она смотрела на их план с куда большей симпатией. Она полюбит ребенка, окружит его заботой, всем тем, чего ей не хватало в детстве. С такими мыслями Мерedit еще раз осмотрела комнату.

Проветрена. Шторы подняты. В целом веселенькая комнатуха. Вследствие вполне понятных причин Мерedit все эти годы даже не заглядывала в детскую. Теперь, рассматривая только что заново отполированную колыбель, молодая женщина ощущала нечто сродни сожалению. Если бы все повернулось по-другому, сейчас в этой комнате жили бы ее дети. У большинства двадцатипятилетних женщин уже есть по несколько ребятишек. Нагнувшись, Мерedit подняла с маленького детского столика лежавшую на нем деревянную лошадку-каталку. Время откололо от игрушки одно из деревянных ушей. Молодая женщина крепко сжала пальцами салазки подставки.

В этот миг Мерedit поняла, что соображения собственного благополучия отнюдь не исчерпывают мотивов ее поступков. Она страстно

хотела ребенка, и это желание было главной причиной того, что племянница пошла на поводу у тетушки. Такое открытие испугало Мередит. Значит, мотивы ее поступков отнюдь не полны альтруизма.

Желая вернуть себе прежнюю решимость, она едва слышно произнесла:

— Дело сделано. Назад дороги нет.

Резко кивнув головой, девушка поставила лошадку-каталку на столик, а затем слегка толкнула ее. Игрушка закачалась вперед-назад.

— Премиленькая комнатка, — молвил кто-то у нее за спиной.

Мередит резко выпрямилась. Щеки ее вспыхнули румянцем. Она повернула голову: в дверном проеме стоял мистер Гримли. Молодая женщина мысленно дала себе зарок никогда больше не озвучивать собственные мысли. Эта привычка небезопасна, если у тебя есть тайны.

Поверенный семьи Брукширов приехал еще вчера. Мередит была несказанно рада этому, ведь не ей придется сообщать Николасу Колфилду о том, что фортуна повернулась к нему спиной.

— Я решила позаботиться обо всем заранее. — Женщина обвела рукой детскую комнату.

— Да, моя Мэри всегда подготавливает уютное гнездышко до появления на свет Божий

каждого из наших детей. Супруга называет это материнским инстинктом.

Мистер Гримли со всезнающим видом раскачивал вперед-назад свое дородное тело на каблуках башмаков.

— Да уж, — произнесла Мередит, чтобы сказать хотя бы что-то.

— Не могу выразить словами, как был бы счастлив старый граф, если бы дожил до этого дня. Его сильнейшим желанием было увидеть детскую вновь обитаемой.

Мередит почувствовала себя виноватой. Брукширы наверняка перевернулись бы в своих могилах, если бы им сказали, что она выдаст безродного сироту за следующего графа. Женщине пришлось напомнить себе — у Эдмунда была возможность воспользоваться всеми правами законного супруга. Он сам ее отверг. У нее нет выбора. От благоразумия Мередит зависит не только ее собственная судьба, но и будущее близких ей людей.

— Я едва не забыл, зачем сюда прибыл, — хихикнул стряпчий, сокрушенно покачивая головой. — Только что приехал ваш деверь. Дворецкий провел его в гостиную, а я вот пришел за вами.

Сердце сильнее забилось у нее в груди. Так скоро? Фарс уже начался!

— Миледи! Не тревожьтесь. — Взяв графиню под руку, мистер Гримли вывел ее из детской комнаты. — Ваш деверь вполне дружелюбен, разве что немного груб в обращении.

Внезапно у Мередит пересохло в горле. Она тяжело сглотнула и бросила колючий взгляд на стряпчего, пока они вместе спускались по ступенькам лестницы вниз. Груб? Грубыми были викинги. Грубыми были пираты. Что Гримли имеет в виду?

— Сообщенная вами новость оказалась для него полной неожиданностью, но он, заверяю вас, воспринял ее как истинный джентльмен. Понимаю, поверить в это непросто, однако мой клиент не особо горит желанием становиться титулованной особой. Я бы рискнул предположить, что ваша новость рассматривается им сродни своеобразному избавлению.

Как мистер Гримли и предполагал, поверить в это было непросто. С какой стати Николас Колфилд не желает обрести богатство, влияние и престиж, сопутствующие титулу графа Брукшира?

Тетушка Элеонора уже разливала в гостиной чай в любимый веджвудский фарфор хозяйки дома. Не на шутку разволновавшись, Мередит старалась не смотреть на деверя. Она позволила мистеру Гримли усадить себя на небольшой диванчик подле тети... Затем Мередит неоправданно долго

поправляла складки ткани на своих многочисленных юбках и лишь после этого, набрав полные легкие воздуха, подняла взгляд на незнакомца.

Дюжий мужчина, возвышавшийся напротив нее подобно могучему дубу, представлял собой резкий контраст со всей дамской обстановкой гостиной. Нет, он никак не мог быть Эдмунду братом. Этот смуглолицый человек с темными волосами и не менее темными глазами совсем не походил на типичного бледнолицего англичанина. Загорелая кожа... высокие скулы... квадратная челюсть... Мередит вспомнила об испанском пирате, герое готического романа, который она втайне от взрослых читала и перечитывала в подростковом возрасте.

Мужчина поклонился, когда мистер Гримли представил его.

— Леди Брукшир, — тихо произнес он.

Зычные модуляции его голоса произвели на Мередит странное действие... Отличного покроя сюртук облегал его широкие плечи. На женщину оказали впечатление мужественность и привлекательность деверя. Пока Гримли продолжал представление, ужас у нее в душе все усиливался. *И это олицетворение мужественности является Николасом Колфилдом?* Ее ноздри трепетали, лоя едва ощутимый запах леса и кожи седла. Пальцы

его руки коснулись ее пальцев. Она взирала на темные волосы его склоненной в поклоне головы и думала, столь же они шелковисты на ощупь, как на вид. Он окинул ее пристальным взглядом, а затем, выпустив ее руку из своей, присоединился к мистеру Гримли, который болтал о всяческом вздоре.

Оправившись от первоначального шока, Мередит мысленно принялась составлять список причин, по которым этот джентльмен не мог быть Николасом Колфилдом. Во-первых, в отличие от Брукширов, мужчина не был голубоглазым. У Эдмунда, к примеру, глазки были малюсенькие, невыразительные, водянисто-голубоватые. Как этот незнакомец мог быть потомком графа Брукшира? Глаза Николаса Колфилда излучали блеск темного красного дерева. *«Он , — с ужасом осознала Мередит, — самый симпатичный мужчина из всех, кто до сих пор встречался мне на жизненном пути»* . Горячая кровь прилила к ее щекам. Ей стало стыдно из-за своих недостойных мыслей.

«Соберись!» — приказала себе Мередит, стараясь сосредоточиться на предмете общей беседы.

К счастью, внимание деверя было обращено на мистера Гримли и он не заметил ее смущения. От глаз тетушки Элеоноры, однако, не укрылся неподобающий интерес племянницы к мужчине.

Пожилая женщина вопросительно приподняла брови. Мередит постаралась сосредоточиться на том, о чем говорит мистер Гримли.

— Вы приехали прямиком из Лондона, лорд Брукшир? — спросил стряпчий. — Надеюсь, грязь на дорогах не сильно испортила ваше путешествие.

Мередит сдержала свое недовольство, когда Гримли, обращаясь к ее деверю, назвал его лордом Брукширом. Женщина успокоила себя тем, что все это лишь временно.

— Нисколько. Я проскакал всю дорогу верхом и получил огромное удовольствие.

— Неужели? Вы проделали большой путь, милорд, — от удивления у Гримли даже округлились глаза. — Должно быть, вы отличный наездник...

— Предпочитаю ездить верхом, а не в карете.

Взгляд Николаса Колфилда остановился на Мередит. На сей раз мужчина не спеша осмотрел женщину, что называется, с ног до головы. Этот взгляд светился твердостью и непреклонностью. Мередит решила, что правильно поступила, приняв предложение тетушки. На вид деверь казался грубым, жестоким человеком. Такой вполне может выбросить на улицу их всех.

Чуть заметная ухмылка скривила его губы — давно отрепетированная, предназначавшаяся множеству женщин до нее. Эта улыбка должна

была продемонстрировать Мередит, что ему известно, какое впечатление его мужская красота производит на представительниц слабого пола. «*Высокомерный красавец*», — подумала девушка. Чтобы скрыть от него свое смущение, Мередит, приподняв подбородок, обратила взгляд на скучного стряпчего.

— Признáюсь, не ожидал вас здесь застать, мистер Гримли, — мягким тоном произнес Колфилд, переведя взор с нее на стряпчего. — Мне казалось, вы временно отошли от этого дела.

Тетушка Элеонора и Мередит встревоженно переглянулись. Время настало! Сейчас их «новость» станет достоянием того, кого они пытаются обобрать. От страха у Мередит сжалось сердце. Мистер Гримли посмотрел на нее так, словно раздумывал, как будет лучше донести до Колфилда неприятную для него весть.

— Ну... Ладно... Я получил письмо от леди Брукшир... Приятная новость... — Гримли теперь едва бормотал себе под нос, словно и сам не верил в правдивость последнего утверждения.

Колфилд, прищутив глаза, взирал на нее, явно ожидая каких-либо пояснений.

— Я... — Голос был хриплым. Женщина сглотнула. Теперь она постаралась выговаривать слова твердо, уверенно, чтобы голос не дрожал. — Мистер Колфилд! Недавно я поняла, что у меня

будет ребенок. — Краска стыда залила ее лицо. Никогда в жизни она и представить не могла, что будет говорить о столь деликатных материях совершенно чужому ей человеку.

Темные глаза деверя даже не моргнули. Единственное, что нарушило его безучастность, — едва различимое подергивание подбородка. Мередит понятия не имела, что могут означать эти движения. Мужчина не отрываясь смотрел на нее темно-кариими глазами. Молчание затянулось. Мередит хотела отвернуться, опасаясь, как бы по выражению ее лица Колфилд не догадался о чем-то, но пронзительный взгляд его очей приковывал. Почему он молчит?

В конце концов Мередит смогла отвернуться и беспокойно заерзала на диванчике. Женщина надеялась, что деверь примет ее смущение за обычную неловкость, вызванную тем, что подобного рода деликатные вещи обычно не обсуждают в присутствии посторонних мужчин, пусть даже он приходится ей родней.

Наконец он заговорил спокойным голосом. Казалось, мистер Колфилд и впрямь ничуть не удручен подобным поворотом событий.

— Мистер Гримли! Полагаю, вы здесь для того, чтобы объяснить нам все те изменения, которые несет за собой рождение этого младенца?

— Мы оказались в весьма щекотливом

положении. Мои коллеги находят сложившуюся ситуацию весьма... интригующей, — при слове «*ситуацию*» мистер Гримли хихикнул.

Мередит захотелось отвесить пощечину этому дураку. Колфилд, безусловно, не видит в происходящем ничего веселого.

— После проведенных мной консультаций можно сказать, что положение дел таково: в настоящее время Николас Колфилд является графом Брукширом, обладающим всеми правами на имущество, деньги и титул...

Мередит в ужасе застыла, сложив руки на груди и не в силах возразить что-либо. Должно быть, это какая-то ошибка... Мистер Гримли заверил ее, что Колфилд не станет злоупотреблять правами на наследство... Что за несуразица? Неужели присутствие Колфилда настолько испугало поверенного их семьи?

От Колфилда не ускользнула перемена выражения ее лица. Ему даже хватило развязности подмигнуть ей. От такого отсутствия такта женщина поджала губы.

— В случае, если у леди Брукшир родится сын, — продолжал тем временем мистер Гримли, — титул переходит к нему. До своего совершеннолетия опекуной состояния юного графа будет назначена леди Брукшир. В случае рождения девочки, боюсь, никакое

вспомоществование ни ей, ни вам, миледи, не предусматривается. — Стряпчий откашлялся, явно борясь со смущением, вызванным тем, что ему приходится сообщать графине о столь неприятной перспективе. — Ужасный промах со стороны покойного графа, но таков уж закон, миледи.

Чертов закон! Мередит едва заметно кивнула головой и натянуто улыбнулась, жалея, что не имеет возможности сказать мистеру Гримли, что она лично думает о британском законодательстве.

— Если родится девочка, я выделю содержание ей и леди Брукшир, — безмятежным тоном сообщил мистер Колфилд.

Вздых удивления сорвался с губ Мередит.

Не менее удивленная услышанным, тетушка Элеонора взглянула на племянницу поверх расставленного перед ней чайного сервиза.

Неужели они могли заблуждаться и он готов взвалить на себя заботу о родне покойного сводного брата? Так просто? Молодая женщина окинула взглядом суровые черты его лица. Маловероятно. Скорее всего, он просто красуется своим великодушием перед мистером Гримли. Ни одно из произнесенных им слов ничего не значит. Даже если деверь сейчас не кривит душой, как надолго его хватит? На год? На десять лет? А что, ежели и с ним произойдет несчастье? Что случится, если мистер Колфилд внезапно умрет? Она снова будет

вынуждена бороться с бедностью один на один.

— Превосходно! Я предполагал, вы так и поступите, милорд, — воодушевился мистер Гримли, а затем, подавшись вперед, уперся руками себе в колени. — Отнюдь не всегда подобного рода затруднения решаются с такой легкостью и щедростью. Что значит истинное аристократическое воспитание!

— Не спешите причислять меня к аристократии, — довольно сухо ответил Колфилд.

Мерedit стало немного не по себе от мысли, что она обманывает по-настоящему благородного джентльмена. Почувствовав тошноту, женщина прижала руку к животу. Лучше бы она возненавидела его. Лучше бы Николас Колфилд оказался жадным негодяем, недостойным наследства. *Ради успокоения ее совести ему следовало быть таким .*

— Вы должны знать, что у меня на иждивении живут моя тетушка и страдающий от болезни отец, — произнесла Мерedit и затаила дыхание.

Она ожидала увидеть тень сомнения на его лице, ждала, что вот сейчас он либо выдвинет дополнительные условия, либо откажет в щедрости ее родне, но у мистера Колфилда не выросли рога на голове и раздвоенный хвост сзади... по крайней мере пока...

— Ничего страшного, — невозмутимо сказал

он.

Мерedit нахмурилась. Они с Эдмундом одной крови. Со временем негодяй в его девере обязательно проявит себя.

— А еще есть кое-кто из слуг... с необычной внешностью... Вы, возможно, не захотите держать их в доме... Я чувствую определенную ответственность по отношению к ним... — Мерedit гордо приподняла подбородок. Ее заявление просто обязано рассердить девера.

— Полагаю, вы имеете в виду вашего колоритного дворецкого?

— Да. Шрам Нелса производит неприятное впечатление на некоторых гостей этого дома, — произнесла Мерedit.

— Признáюсь, несколько необычный выбор дворецкого.

— А как по мне, у него весьма внушительный вид.

Выслушав столь своеобразное описание внешности бывшего кулачного бойца, мужчина слегка приподнял бровь.

— Пожалуй, что так. Ни один непрошенный гость мимо него, думаю, не проскочит.

— Да, — ледяным тоном согласилась Мерedit.

— Если уж я решу избавиться от кого-либо из слуг, то предложу ему перейти к вам в услужение с

условием, разумеется, что он не зря будет есть свой хлеб. Терпеть не могу бездельников. Я никому не позволю злоупотреблять вашим великодушием.

Пальцы Мередит непроизвольно сжались в кулаки. Не нуждается она в его советах насчет того, как вести хозяйство. На протяжении долгих лет она превосходно со всем справлялась без посторонней помощи.

— Я и сама неплохо разбираюсь в людях...

«А в Эдмунде ошиблась», — напомнил ей тонюсенький голосок, прозвучавший у нее в голове.

Но это случилось давным-давно. В те годы она еще была наивной девчонкой. Теперь грезы о любви не мешают ее рассудительности.

— Значит, все решено, по крайней мере пока? — спросил мистер Гримли.

Как бы ей хотелось уведомить мистера Колфилда, чтобы он не особо радовался своей временной власти над ее судьбой. Вот только сейчас заявить ему, что у нее непременно родится сын, Мередит просто не могла.

— Вы слишком великодушны, милорд, — вместо этого произнесла графиня. — Могу я осведомиться, каковы ваши планы на ближайшее будущее?

— Мне бы хотелось погостить здесь пару недель, переговорить с управляющим, убедиться, что, пока имение находится в моей собственности,

им управляют должным образом, сколь бы ни был скоротечен этот период. В вашем деликатном положении вам вредно беспокоиться о подобного рода делах.

Мистер Гримли энергично закивал, выражая тем самым свое полное согласие.

— Замечательно! Каждому джентльмену следовало столь ответственно относиться к своим обязанностям.

Мерedit потребовалась недюжинная сила воли, дабы не высказать мужчинам все, что она о них думает. *Деликатное положение!* Ха-ха-ха! Что такого деликатного мужчины находят в беременности? Скорее уж Колфилд хочет убрать ее со своей дороги, а сам распорядиться ее жизнью и хозяйством так, как ему заблагорассудится. Наверняка он относится к тому типу мужчин, которые любят командовать всем, что находится в сфере их жизненных интересов. Напыщенный наглец! Она уже несколько лет управляет поместьем без посторонней помощи! Ей никто не нужен!

— Как вам угодно, — натянуто улыбнувшись, произнесла Мерedit, — но я полагаю, вы найдете дела поместья в полном порядке. Я управляла Оук-Раном во время частого отсутствия мужа.

— Но не особенно частого, как мне представляется, — склонив темноволосую голову,

произнес мужчина, глядя на ее живот.

Женщина покраснела. Святые небеса! Он что-то подозревает или просто не воздержан на язык? Как бы там ни было, она тот час же поспешила встать на свою защиту... быть может, излишне поспешно...

— В последний раз живым я видела мужа в Бате. Мы с тетушкой оставались в городе около двух недель... А вскорости после этого он скончался...

Мередит заблаговременно сочинила все детали их встречи. Это было крайне разумно, учитывая тот факт, что в последний раз она видела мужа около трех лет назад. Тогда Эдмунд вместе с целой компанией приехал охотиться в Оук-Ран. К счастью, они с тетушкой на самом деле ездили в Бат. Это частично подтверждало ее историю. Маловероятным казалось, чтобы кто-то решился утверждать, будто Эдмунд ни разу не посетил ее во время пребывания на курорте.

— Эдмунд не любил сельскую жизнь. Он предоставил управление имением мне.

— В Оук-Ран нет управляющего, милорд, — заявила тетушка Элеонора, хлопая глазами над краем чашки, словно сова. — Моя племянница и сама вполне успешно управляется с имением. Эдмунд всецело доверял ей.

Последнее утверждение было чистой водой

ложью. Тете просто хотелось, чтобы посторонние поверили, будто брак Мередит и Эдмунда был вполне сносным.

— Да, — молвила Мередит. — Мне бы не хотелось злоупотреблять вашим великодушием. Полагаю, вам не терпится вернуться в Лондон.

— Как бы там ни было, а мне хочется задержаться на какое-то время в Оук-Ране.

Немного обиженная его излишней настойчивостью, Мередит постаралась придать своему лицу кроткое выражение.

— С радостью. Я не желаю, чтобы у вас сложилось впечатление, будто вам здесь не рады. Это ведь ваш дом, — произнесла женщина, поднимаясь с диванчика. — Хотите увидеть вашу комнату и, быть может, отдохнуть перед ужином?

Прежде чем Колфилд успел ответить, дверь гостиной резко распахнулась. В комнату, широко ступая, вошел отец Мередит. Все от неожиданности застыли на месте. С развевающимися во все стороны растрепанными седыми волосами ее отец походил на умалишенного, сбежавшего из дома скорби. Кровь застучала в висках, когда Мередит осознала, что у отца выдался очередной из его «плохих дней».

С убийственной злобой старик уставился на Колфилда своими сверкающими глазами. Для человека семидесяти лет, который бóльшую часть

жизни простоял за кафедрой проповедника, он отличался удивительной подвижностью. Прежде чем кто-либо успел ему помешать, старик ринулся на Колфилда. Мередит услышала слабый хруст и искреннее пожелала, чтобы так скрипнули старческие суставы отца, а не треснули от удара ребра мистера Колфилда.

— Свинья! — завизжал старик, хватая Колфилда за шейный платок. — Папистская ² свинья!

А затем начался ад крошечный...

Глава 4

Тетя Элеонора завизжала. Кто-то опрокинул чайный сервиз. Фарфор, разбившись, засыпал осколками ковер. Мередит бросила прощальный взгляд на превратившуюся в мусор любимую посуду. Мистер Гримли звал кого-нибудь на помощь. Слуги, словно небольшая вражеская армия, ворвались в гостиную, преумножая хаос одним своим присутствием. Все это время мистер

---

² Папистский — который исповедует идеи папизма — религиозно-политического течения, пропагандирующего распространение религиозной и политической власти Папы Римского.

Колфилд не терял хладнокровия, хотя отец Мередит пытался задушить гостя его же собственным шейным платком.

— Молю вас! Не бейте его! — стараясь перекричать поднявшийся гвалт, причитала Мередит.

— У него больная спина! — беспомощно размахивая руками в воздухе, визжала тетушка Элеонора. — Не повредите ему спину!

— Но он, дьявол его побери, пытается задушить меня, — недоверчиво глянув на графиню, произнес Колфилд, осторожно высвобождаясь из удушающих объятий старика.

Все это заняло не более минуты, однако она показалась всем бесконечно долгой. Только после того, как Нелс, похожий на огромного медведя, крепко, но бережно схватил старика, напряжение немного спало.

— Дочь! Не доверяй ему! — указывая на незнакомца искривленным подагрой перстом, завопил безумец. — Он папист! Меня не проведешь! Они шныряют тут повсюду. Он замыслил убить королеву...

Остальную часть бреда старика уже никто не слышал, так как безумца вывели из гостиной и повели в его комнату, вверх по лестнице.

— Примите, прошу вас, мои искренние извинения. В последнее время папа сам не свой. —

Мерedit не в силах была скрыть стыд за отца и вследствие этого сердилась еще больше.

В прошлом ее батюшка был замечательным человеком, весьма благочестивым и эрудированным. Многие восхищались им. Разумеется, он всегда был скуп на любовь и отличался излишней строгостью, но другого отца у нее просто нет, а его теперешняя болезнь не его вина.

— Не стоит извиняться, миледи, — сказал Колфилд, поправляя складки шейного платка. Губы его кривила полуулыбка. — Не думаю, что ваш отец на самом деле вознамерился убить меня.

— Милорд! — всплеснув руками, воскликнула тетушка Элеонора. — Вы такой добрый и учтивый! Немногие способны на подобное смирение и понимание ближнего своего! — Толкнув племянницу в бок, тетя обратилась уже к ней: — Правда, он сама любезность, Мерedit?

— Да, — согласилась графиня, удивленная неожиданной переменой в отношении тети к Николасу Колфилду.

Еще совсем недавно тетушка Элеонора проклинала его, называя гнусным мерзавцем.

— Признаться, меня это несколько тревожит, — раздался в гостиной взволнованный голос стряпчего. — Я понятия не имел, что болезнь

вашего родителя столь серьезна. Я беспокоюсь за вашу безопасность, миледи. Теперь вам к тому же следует думать о безопасности не рожденного ребенка. Как по мне, это неоправданный риск — жить под одной крышей с тем, у кого случаются припадки и кто склонен к насилию. Не будет ли разумнее поместить его в приют?

Предложение стряпчего до глубины души возмутило Мередит.

— Вы, полагаю, не имеете ни малейшего представления об ужасных условиях, в которых протекает жизнь пациентов приютов. Мне говорили, что там хуже, чем в Ньюгейтской тюрьме. А еще хочу сказать: мой отец не опасен. Он пал жертвой преклонного возраста и болезней. Надеюсь, с вами такое никогда не случится, а ежели произойдет, то у ваших родных хватит сострадания не отправлять вас в приют.

Колфилд взирал на нее с одобрением.

Мистер Гримли открыл было рот, вознамерившись, видимо, озвучить свои никому не нужные советы, но тут Колфилд в довольно вежливой манере остановил его, заявив бесстрастным тоном:

— Это семейное дело, мистер Гримли. Я позабочусь о безопасности всех, кто находится под моей защитой.

Услышанное, кажется, вполне удовлетворило

стряпчего. Он кивнул, воздержавшись от дальнейшего обсуждения. Мередит в глубине души негодовала по поводу излишней властности, проявленной мистером Колфилдом, хотя, надо признать, это заявление успокоило мистера Гримли, положив конец всем его словоизлияниям. Когда же она умудрилась попасть в зависимость от Колфилда? Нет, теперь ее единственная цель заключается в обретении полной свободы от кого-либо.

На миг тень дурного предчувствия накрыла ее... А было еще какое-то непонятное ощущение. Прошли долгие годы, с тех пор как она в последний раз на кого-то рассчитывала. В то время она была молоденькой девушкой, а ее отец пребывал в телесном и душевном здравии. В ее мозгу эхом звучали слова мистера Колфилда — «под моей защитой». Что должен чувствовать мужчина, решившийся защищать ее, печься о ней, предъявлять на нее свои права?

Мередит отогнала от себя эти непрошенные опасные мысли. Раньше она уже разок задавала себе подобные вопросы — когда выходила замуж за Эдмунда. Какой же чудовищной ошибкой был ее брак! Нет уж. Лучше самой распорядиться своей жизнью, чем отдать себя на милость еще одного Брукшира.

Бросив взгляд на горничную, собиравшую

осколки битой посуды, Мередит произнесла с нарочитой непринужденностью в голосе:

— Может, еще чаю?

Он не мог заснуть в этом доме. Как ни парадоксально, Колфилд не в состоянии был представить, что почувствует, вновь оказавшись здесь. Ник не ожидал, что воспоминания обрушатся на него разрушительной лавиной. Похоже, ничто не забыто. Прошлое не умерло, как бы он не заверял себя в обратном все эти годы.

Так и не раздевшись ко сну, Ник мерил шагами свою комнату, борясь с искушением спуститься вниз, оседлать лошадь и умчаться подальше от этого дома. Вздохнув, мужчина устало потер лоб. Слишком легко... слишком трусливо... Надо оставаться здесь до конца. Если удача будет на его стороне и леди Брукшир родит здоровенького мальчишку, он сможет со спокойным сердцем вернуться к своей прежней жизни.

Внешне казалось, что дом не претерпел особых перемен, но только на первый взгляд. Небольшие изменения явно имелись. Теперь здесь чище, дышалось свежее и в комнатах стало светлее. Ник подозревал, что такие изменения произошли благодаря леди Брукшир. Без сомнения, эта ледяная принцесса любит порядок и чистоту во всем. В этом

она совсем не была похожа на его матушку, которая предпочитала заботам по дому и хозяйству ленивое ничегонеделанье.

Будучи мальчиком, он наслаждался здешней жизнью, не подозревая, что его могут лишить всего этого. Воспоминания Ника были приятными до того страшного, долгого дня. После него у Колфилда началась другая жизнь и он сам стал другим. С того дня, как покинул этот дом, он умирал тысячью смертей, но так и не умер. Отец всегда стоял в его жизни на некотором отдалении, однако в детстве Ник никогда не считал его врагом. С другой стороны, как еще можно назвать человека, вышвырнувшего из своей жизни жену и ребенка? Ник не был уверен, что его мама на самом деле изменила своему мужу. Он так и не узнал всей правды. Скорее всего, отец пресытился женой-иностранкой, чье прошлое оперной певицы отбрасывало на него тень, и просто избавился от нее, как только страсть в его душе остыла. Отец был титулованной особой и богатым человеком. Развод принес ему мало неприятностей. Но матери, бывшей в прошлом простой певицей... Она не только не могла больше показаться в высшем свете, ей отказано было зарабатывать как прежде себе на жизнь, выступая на сцене. Хотя нет, одна профессия вполне оставалась доступной...

Выйдя из своей спальни, Ник медленно

двинулся по тускло освещенному коридору. Звук шагов приглушал толстый ковер. Шорох ног смешивался с тихим шепотом вчерашнего дня. Ник остановился у детской. Дверь была приоткрыта. Внезапно прошлое наполнило жизнью погруженную во тьму комнату. Он услышал в голове голос няни Конни, умолявшей его отца не выгонять мальчика из дому. Ник вдруг отчетливо вспомнил лицо родителя. Тот смотрел своими холодными голубыми глазами сквозь ребенка. А потом прозвучали роковые слова: *«Пусть тоже уезжает»*.

Эдмунд также присутствовал при этом. Прислонившись к дверному косяку, сводный брат безмятежно и равнодушно наблюдал за тем, как отец изгоняет из дома мачеху и ее сына.

Отступив от порога своей бывшей детской, Ник отогнал воспоминания прочь. Он боялся, как бы за ними не последовали другие, еще более мрачные.

— Милорд...

Тихий голос разбил вдребезги неприятные воспоминания. Развернувшись, Ник увидел леди Брукшир. Одета графиня была в аккуратное домашнее платье из тяжелой хлопчатобумажной ткани. Ник мог бы поспорить, что ночная сорочка под ним отличается такой же аккуратностью. К груди женщина прижимала книгу, словно это был

щит. Теперь она мало чем напоминала облаченную во все черное бледнолицую вдову, которую он видел накануне. Исчезли строгость платья и прически. На плече у нее лежала длинная коса золотисто-каштановых волос. Сейчас она выглядела молоденькой, невинной школьницей, хотя Ник прекрасно знал, что перед ним вдова, чья юность осталась далеко позади.

— Вы заблудились? — Широкий лоб женщины избороздили морщинки.

Заблудился? Нет, как ни грустно, он превосходно знал, где находится. Кивнув в сторону детской, Ник отошел подальше от двери.

— Моя детская комната.

— А-а-а... — с выражением легкого замешательства произнесла графиня.

Она немного ослабила хватку и опустила книгу чуть пониже.

— У меня была няня по имени Конни. Она, случайно, не служит ли в доме и сейчас?

— Никогда о ней не слыхала. Можете поспрашивать в деревне. Возможно, она до сих пор живет где-то недалеко отсюда.

— Быть может, — ответил он, стряхивая с себя странное настроение, которое им овладело. — Теперь, полагаю, настало время вновь найти применение для этой комнаты...

Графиня, едва заметно смутившись, кивнула.

— Ваш отец был бы доволен. Он недолго прожил после моего появления в доме, но часто выражал желание снова увидеть детскую, полную ребятни.

«Какая ирония! Выгнав своего сына отсюда, он желал видеть в детской много ребятни ...»

— Жаль, что он не дожил до этого дня, — холодно произнес Ник. — Уверен, из ада ему ничего не видно.

Мужчина ожидал, что графиня сейчас примется осуждать его, или проявит крайнюю степень волнения, или попросту упадет в обморок, как это приличествует благовоспитанным леди, особенно таким чопорным и педантичным дамам, как она. Однако графиня лишь склонила голову набок и с интересом взглянула на него.

— Насколько я понимаю, расстались вы с отцом не совсем мирно?

Ник пристально смотрел на нее. Она с невинным видом моргала своими большими глазами. Вопрос задан был вполне искренне, без тайного подтекста либо осуждения.

— А до ваших ушей не долетали какие-нибудь слухи? — вопросительно приподняв брови, осведомился Ник. — Признáюсь, я удивлен. Полагал, что вам известны все нелицеприятные подробности того дела. Эдмунд никогда не рассказывал вам обо мне?

Потупив взор, графиня провела пальцами по переплету книги. У Ника сложилось впечатление, что его вопрос был немного бестактным.

— Нет, он ничего не рассказывал мне о вас.

Неужели она настолько горевала о кончине мужа, что одно упоминание об Эдмунде огорчило ее? Неужели она любила его? Ник ощутил неприятный привкус на губах. Он снова окинул женщину взглядом. Из-за выбившихся прядей волос ее лицо казалось необычайно молодым и свежим. Бесспорно, она была симпатичной. Кровь у него в жилах забурлила, подстрекаемая желанием и завистью. Чем Эдмунд мог добиться ее любви? Сводный брат, насколько он его помнил, вряд ли способен был вызвать в сердце женщины любовь и верность.

— Ну, возможно, он не находил это важным, но другие должны были вам что-то рассказать, или нет?

— Разумеется, я спрашивала, милорд, — произнесла она и подняла на него глаза так, словно ожидала, что у Ника ее слова вызовут неудовольствие. — Я знаю, что до замужества ваша матушка была актрисой, а потом, забрав вас, она куда-то уехала.

Ник улыбнулся. Уж слишком отважный взгляд графини не соответствовал ее скромному виду молодой девушки в этом простом домашнем

платье.

— К сказанному можно еще кое-что добавить. Горькая правда заключается в том, что отец выгнал нас обоих из дому. Развод. Это мерзкое короткое слово лишь шепотом передавалось в гостиных из уст в уста. Мне тогда исполнилось всего восемь лет, но после развода отец отрекся и от меня.

Несмотря на спокойный тон, горечь переполняла каждое произнесенное им слово.

Женщина задумчиво прищурилась. Она поджала губы, что-то явно обдумывая. Светильники на стенах отбрасывали длинные тени. Нику было трудно разглядеть выражение ее глаз, но он почувствовал в них порицание... Или это ему только почудилось?

— Вам интересно, чем мы заслужили такое обращение?

— Нет. Я считаю, что трудно простить отца, отрекшегося от собственного ребенка. Такой поступок заслуживает всяческого осуждения.

— Отречение от ребенка, а как же супруга? — с вызовом спросил Ник.

— Я... — запнулась графиня, — не знаю обстоятельств...

— Очень тактично с вашей стороны, однако не уверен, что вы изволили бы выразаться подобным образом, не окажись моя матушка оперной певицей. Не думаете же вы, что она

находилась в равном с моим отцом положении? У него было богатство и статус в обществе. Я не говорю уж о том, что закон предоставляет мужчинам больше прав, чем женщинам. Разве вы сейчас не зависите от меня в той же мере, в какой прежде зависели от Эдмунда?

Она напряглась всем телом. Ник видел, что его слова достигли нужного эффекта. Значит, графине не нравится ее подчиненное положение и она прекрасно понимает всю степень своей зависимости.

— Что-то не так? Вам неприятно слышать правду, миледи?

— Да, неприятно, — признала она. — Не люблю быть кому-либо обязанной.

— Ваше положение не так уж сильно отличается от того, в котором оказалась моя матушка. Вы обе остались без пенни за душой. — Ник пожал плечами. Он старался сохранять хладнокровие, но это было отнюдь не просто. — Отец обвинил мою мать в неверности. Если его обвинения являлись правдивыми, возможно, она заслужила кару.

— А вы? — спросила Мередит. — Не могли же вы совершить что-нибудь настолько скверное. Тогда вы были беспомощным ребенком. Должно быть, ужасно потерять все то, что составляло опору вашего существования. Могу представить, как вам

было тяжело.

Она произнесла это таким тоном, словно и впрямь понимала, что значит потерять опору существования. Возможно, графиня испытывает нечто похожее сейчас, когда ее будущее остается сокрытым в тумане неопределенности. Ее будущее зависит от того, родится у нее мальчик или девочка, и подчинено капризу судьбы.

«Дочь приходского священника, скорее всего, сочтет это Господним провидением», — усмехнувшись, подумал Ник.

Она сочтет, а он — нет. Если Бог есть, он давно уже отринул от себя Ника. Мальчик или девочка? Все равно что играть в орлянку с судьбой.

— Я выжил.

— Ваш отец также многого лишился, даже если он этого и не понимал. Умер он очень одиноким человеком. Уверена, он сожалел...

— Нет! — нетерпеливо прервал графиню Ник, рубанув ребром ладони воздух. — Этот мерзавец не заслуживает ни капли жалости. Вам не удастся переубедить меня. Коль вам так уж необходимо кого-либо пожалеть, то пожалейте мою мать, которая была вынуждена продавать свое тело ради того, чтобы мы не умерли с голоду. Она умерла, заходясь кашлем, в грязной, кишасей крысами дыре.

Лицо графини побледнело. На сей раз ему

удалось взять ее за живое, а вот на душе Ника сразу же полегчало. Гнев — старинный приятель, который не покидал его в самые трудные дни, вырвался наружу. Было очень здорово отвести душу, выместив свою злость на постороннем человеке. Все, кого он мог бы обвинять в случившемся, умерли. Она была ближайшим громоотводом. Будучи девушкой, она вышла за Эдмунда, делила ложе с человеком, который безучастно наблюдал за тем, как изгоняют Ника. Тогда сводному брату исполнилось пятнадцать лет. Он вполне мог поднять голос в защиту младшего. Женщина, стоявшая перед Колфилдом, была замужем за этим слабовольным слюнтяем. Она даже умудрилась оплакивать его кончину. Ник не испытывал к ней сострадания. Ему все равно, с каким сочувствием она слушает его, пока он изливает перед ней душу.

Графиня потупила взор. Она уставилась на расстеленный по полу ковер. Теперь девушка напоминала Колфилду мышку, которая старается незаметно улизнуть, встретившись с грозным хищником.

— Извините. Я сказала не подумав.

— Теперь вы знаете правду.

— Мне жаль, что вам пришлось перенести столько страданий. Плохо, что об этом никто не знал. Вам помогли бы тогда.

Ник ощутил растущее раздражение. Неужто графиня и впрямь думает, что никто ничего не знал? То, что никто им не помог, еще не значит, что скандальная история его семьи оставалась неведомой для окружающих.

— Все всё знали. В этом лично у меня нет ни малейшего сомнения. Случись подобное в наши дни, *порядочное* общество и пальцем бы не пошевелило, чтобы помочь таким, как мы.

— Я уверена, сегодня в Эттингеме вы встретите множество людей, которые не останутся в стороне, зная о столь чудовищном попрании справедливости.

Ее наивность бесила Ника.

— Если вы родите девочку и я захочу выгнать вас в лес жить с волками, добрые христиане Эттингема, уверяю вас, постараются не заметить этого прискорбного обстоятельства.

Медленно покачав головой, графиня тихо, без особой уверенности в своей правоте произнесла:

— Такого не случится.

Мужчина разглядывал ее вблизи, околдованный дивной игрой света, зажигавшего крошечные рыжие огоньки в ее светло-каштановых волосах.

— Как же вы наивны! Могу с полной уверенностью заявить: мои бывшие соседи не нарастили в своих душах совести за последние

двадцать лет даже на дюйм. Но не волнуйтесь. Я сдержу данное мною слово. Вам не доведется на себе проверить, насколько они щедры и великодушны.

— Могу лишь заверить вас, что добрые христиане, подле которых я сижу в церкви...

Презрительный смех заставил Мередит умолкнуть.

— Что смешного я сказала, милорд? — с явным неодобрением в голосе поинтересовалась она.

Став серьезным, Ник тихо произнес:

— Я не особо полагаюсь на Бога и Церковь.

Бог был подспорьем для матери, но отнюдь не для него. По неровному дыханию женщины Ник сделал вывод, что он либо оскорбил, либо очень удивил ее. Маленький упрямый подбородок дерзко дернулся вверх. Мужчина понял, что графиня не намерена сдаваться.

— Я не верю вам.

— Чему именно вы не верите?

— Тому, что вы не верите в Бога.

Ник мог бы поведать ей множество историй, доказывающих, какое у него черное сердце. Он мог бы рассказать ей, как рос на лондонских улицах, постепенно превращаясь в хищника. Он воровал, нападал на людей, даже убил, когда ему было всего лишь тринадцать, мужчину, который хотел сделать

его своим *нежным* другом. Насколько сильно он ошеломил бы ее, описав, как забирался в особняки самых высокородных аристократов, проживающих в районе Мейфэйр!³ Возможно, она в таком случае поверила бы ему...

— Вы не верите, потому что не хотите верить. Так вам спокойнее. Вы предпочитаете думать, что все такие же, как вы. — Ник махнул рукой. — И я в том числе.

— Но вы должны верить в Бога.

Толика неуверенности в ее голосе заставила Ника улыбнуться. Она боится за его бессмертную душу. Просто прелестно! Графиня, чего доброго, опасается, будто языки адского пламени охватят его со всех сторон прямо у нее перед глазами.

— Я верю в Бога, — не желая вдаваться в подробности, сказал Ник.

Сделал он это ради нее. Уж слишком близко к сердцу она восприняла утрату им веры. Не желая смущать графиню еще сильнее, Ник умолчал о всех тех годах, когда тщетно молился Богу своей матери, а в ответ получал лишь унижения и тумачи, живя беспризорником на лондонских улицах. Мальчик, который в отчаянии шептал молитвы у трупа мамы, давным-давно умер.

---

³ Мейфэйр — престижный район в центре Лондона.

— Но не принимаете Его в своем сердце, — закончила Мередит за него.

Ник плотнее сжал зубы. Осуждение, звучащее в ее голосе, бесило его. Или это не осуждение, а разочарование? В любом случае отношение графини занимало его сильнее, чем следовало бы. Он не нуждается в одобрении со стороны этой особы. Честно говоря, уж лучше бы он ее презирал. Это помогло бы видеть вещи в подлинном свете.

— Интересно, как Эдмунду удалось найти себе в жены столь прелестное и невинное создание, как вы? — шутливо спросил он и, подойдя ближе, провел тыльной стороной ладони по ее щеке. — Удивительно, что столь чопорная особа могла пустить его в свою жизнь. О постели я умолчу.

Ойкнув, Мередит отшатнулась от нахала, но Ник, проворно заведя руку ей за шею, помешал графине отстраниться. Хватка у него была крепкой. Кожа затылка женщины на ощупь оказалась мягче шелка. Он вдохнул ее аромат. Мята и мед. Просто превосходно! Она смотрела на него широко открытыми глазами, приоткрыв рот. В глубине его горла зарождалось первобытное рычание. Он приблизился плотнее. Взгляд остановился на пухлых губках. В голове мужчины мелькнула непрощеная мысль: *«Эта женщина может стать моей, стать прямо сейчас»*. Опустив руки, Ник отступил на шаг. Так низко пасть, возжелав ту, что

носит в своем чреве ребенка его брата! Не может же он быть настолько порочным?

— Сегодня выдался трудный день, особенно для вас, — ее дрожащий голос был сродни теплему бренди. — Думаю, сегодня ночью призраки прошлого явились к вам. Лучше нам сейчас отправиться отдохнуть.

— Я мало что помню о том, как жил здесь прежде. Это было слишком давно, — соврал он, взъерошив рукой волосы, словно хотел избавиться от ощущения мягкости после прикосновения к ней.

— Библиотека на первом этаже может похвастаться большим разнообразием книг. Иногда, когда моя голова слишком занята мыслями, я читаю. — Женщина нервно очертила книгой в воздухе подобие круга перед собой. Она не отрывала от мужчины встревоженного взгляда.

— Неплохое занятие. Скажите, что вас тревожит. — Ник потянулся за книгой и не удержался, чтобы слегка не задеть мягкую кожу ее запястья.

Словно обжегшись, женщина выпустила книгу из рук.

— Вы надеетесь, чтение *«Путешествий Гулливера»* способно отвлечь вас от ваших треволнений?

— Меня ничто не волнует, милорд. — Голос стал чуть более высоким. Она потеряла то место, к

которому он прикасался.

— Вы не умеете говорить неправду, миледи.

Ее глаза, расширившись, превратились в два сияющих зеленую озера.

— Конечно нет.

— В самом деле? — усмехнувшись, произнес

Ник.

Качнув головой, она поспешно пояснила:

— Я не лгунья, ни плохая, ни хорошая.

— Вы не совершите особой бестактности, если признаетесь, что мой приезд вам не по душе.

— Ваш приезд отнюдь меня не беспокоит. С какой стати? — спросила Мередит, вздрогнув и тщетно стараясь скрыть волнение.

Ник с любопытством взирал на нее. Большинство женщин были бы только рады, если бы мужчина взвалил все тяготы их существования на свои плечи. Графиня к их числу не относилась. С самого его приезда стало абсолютно ясно, что вдова ждет не дождется, когда он уедет. Он вернул ей книгу.

Женщина слегка кивнула.

— Спокойной ночи, милорд.

— Спокойной ночи.

Ник проводил ее глазами, пока она, развернувшись, удалялась от него по коридору. Мужчина рассердился на себя, осознав, что любит естественным покачиванием ее бедер при

ходьбе. Он продолжал стоять на том же месте до тех пор, пока графиня не вошла в свою спальню. Дверь с тихим щелчком затворилась за ней.

Странная женщина и отнюдь не жеманная ханжа, как вначале ему показалось. Женщины, чьи волосы вызывают в душе мужчины фантазии, а губы так и просят, чтобы их поцеловали, ханжами не бывают. Он несколько секунд стоял и смотрел на дверь спальни леди Брукшир. В одном он был убежден: в графине сокрыто куда больше, чем она позволяла ему увидеть.

Глава 5

Мерedit было просто необходимо на время сбежать отсюда. Два дня ничегонедельанья, пока Николас Колфилд разъезжал и осматривал ее владения, показались ей почти невыносимыми. Виделась она с ним по вечерам за трапезой. Мужчина проявлял светскую вежливость, никогда больше не пускаясь в откровенность, как сделал поздно вечером у дверей детской комнаты, никогда больше не дерзал прикасаться к ней. По этому поводу Мерedit ощущала смесь облегчения и сожаления. Она проявляла лишь необходимое гостеприимство. Слишком много холодности Мерedit себе не позволяла, но и особой теплоты не выказывала. Если она будет излишне добра,

непрощеный гость, чего доброго, решит задержаться здесь подольше. Мередит совсем не хотелось, чтобы Николас Колфилд путался у нее под ногами, составляя собственное мнение об Оук-Ране и о ней самой.

После того как он слегка приоткрыл перед Мередит свою раненую душу, женщина почувствовала диковинное желание помочь деверю обрести покой, а мужчина в нем явно нуждался. Небезопасное для нее желание. Трудно было вынести то, что она знает слабое место человека, которого намерена лишить законного наследства.

После вчерашнего дождя за окном сверкала яркой зеленью лужайка. Воздух был наполнен сиянием утреннего солнца. Мередит решила, что засиделась в четырех стенах. Распорядившись оседлать лошадь, женщина быстро облачилась в бархатный костюм для верховой езды желто-коричневого оттенка. Конечно, цвет амазонки отнюдь не соответствовал трауру, в котором Мередит сейчас официально пребывала, но черного костюма в ее гардеробе просто не оказалось. Окинув критическим взглядом свое отражение в напольном зеркале, проведя руками по бедрам и талии, она решила, что в последнее время слишком злоупотребляла пшеничными лепешками с медом. Впрочем, беременная, пусть и на ранней стадии, женщина как раз и должна выглядеть слегка

располневшей в области живота. Им с тетей вскоре доведется придумать, как создавать видимость большего животика. Наверняка Мари найдет какой-нибудь выход.

Норовистая кобылка Петунья, оседланная во дворе, уже ждала Мередит, когда та вышла из дома. Лошадка, похоже, соскучилась по прогулкам не меньше своей хозяйки. Вскоре они уже мчались по бездорожью. Мередит позволила лошади самой выбирать дорогу и наслаждалась ветром, овевающим ее лицо, пока Петунья скакала по холмам. Через некоторое время она, повернув лошадь, направилась к ферме Финнея. Это обширное хозяйство граничило с Оук-Раном на юге. Имея дюжину детей, Финнею и его жене было относительно легко вести хозяйство на такой большой ферме. Салли Финней вот-вот ждала появления на свет еще одного малыша. В последние дни все свое время она проводила лежа в постели, так как двигалась женщина по дому с трудом. Мередит полагала, что миссис Финней не будет против, если она составит ей компанию.

Когда графиня подъезжала к ферме, то заметила, что двор выглядит необычно пустынным. Соскочив с седла, привязала Петунью к столбу, вкопанному перед ухоженным садиком. Издали послышался крик. Мередит повернула голову в направлении поля: Том Финней и его дети окликали

ее.

Сердце женщины сильнее забилося в груди, стоило ей заметить среди них того, кого там не должно было быть.

«Что он здесь делает?»

Дети Финнея вертелись вокруг Николаса Колфилда, непринужденно болтали с ним, соперничая друг с другом за его внимание. Малютка Мэг Финней жалась к его руке и с обожанием в сияющих глазах смотрела на своего героя. Признаться, Мередит и саму охватили чувства сродни девчачьему восхищению. Обнаженный торс мужчины блестел от пота. Волосы сияли на солнце, словно вороново крыло.

— Доброе утро, леди Брукшир, — поздоровался Том Финней.

— Доброе утро, мистер Финней... Дети... — Кивнув головой, Мередит повернулась к мужчине, которого чувствовала каждым своим нервом. — Доброе утро, мистер Колфилд!

Даже вспотев и запачкав костюм брызгами грязи, мужчина оставался таким же красивым, как и прежде.

— Леди Брукшир, — в тон ей ответил деверь.

Взгляд его скользнул по растрепанным на ветру волосам, по разгоряченному лицу... Осознав, как же неопрятно, должно быть, она сейчас выглядит, Мередит покраснела и принялась

поправлять шляпку на голове.

— Вы приехали проведать Салли? — поинтересовался мистер Финней. — Она будет очень рада. Сейчас ей не хватает общения.

— Я так и предполагала, — промолвила Мередит, обращаясь к фермеру.

Она старалась не смотреть на мускулистое, поджарое тело Николаса Колфилда. Поправляя ленты шляпки под подбородком, графиня обратила внимание, что старшая дочь мистера Финнея тоже проявляет излишний интерес к статной фигуре Колфилда.

— Какая удача, что его светлость проезжал поблизости! Он помог вытащить застрявший в земле плуг. Мы с детьми пол-утра безуспешно убивались над ним...

— Повезло вам...

И вновь Мередит ощутила себя немного задетой. Несмотря на все услуги, которые она оказывала своим арендаторам, о том, чтобы помочь им с застрявшим плугом, и помыслить было нельзя. По блеску глаз мистера Финнея стало ясно, что этот поступок нового владельца имения произвел на него неизгладимое впечатление.

— Лучше ступайте в дом. Салли не понравится, что я задерживаю вас, миледи.

Мистер Финней провел ее внутрь дома. Мистер Колфилд, что не укрылось от внимания

Мередит, даже не думал последовать за ними. Скорее всего, найдутся и другие дела, которые пошатнут ее авторитет... Наверняка где-то должен родиться ребенок... или где-то требуется крыть соломой крышу... Мрачные мысли не покидали ее даже тогда, когда, усевшись в кресле, Мередит постаралась выслушать бесконечные жалобы Салли Финней.

— Так раздулась, что ступать не могу, — жаловалась Салли, придавленная к постели непомерной тяжестью огромного живота, пока ее спина покоилась на нескольких подсунутых под нее подушечках. — В прошлые разы мне не было столь тяжко.

— Может, если подложить подушку под ноги, то они не будут так отекать, — предложила Мередит и встала, намереваясь сделать это.

Салли пожала плечами.

— Я согласна на что угодно, миледи.

Мередит, воспользовавшись тем, что встала, выглянула из окна, проверить, что там делает мистер Колфилд.

— Мари принесла вам свой целебный чай? — рассеянно поинтересовалась графиня.

— Да-а, миледи. Она принесла травы и показала моей Кейти, как их правильно заваривать.

— Хорошо. Обязательно пошлите за Мари, когда придет время. Не стесняйтесь. Она опытна в

этих вещах.

— Я всегда легко разрешалась от бремени, миледи. Не нужна мне вся эта суета вокруг. — Салли замахала рукой так, словно отгоняла мух.

— Я настаиваю. — Отвернувшись от окна, Мередит сурово посмотрела на Салли. — Если вы не пошлете за мной, я очень обижусь.

Салли снисходительно улыбнулась.

— Эх, миледи! Не стоит суетиться вокруг меня будто наседка над цыпленком. Я рожала уже много раз.

— Салли! — с ироничной суровостью в голосе воскликнула Мередит. — Вы мне сейчас же пообещаете послать за Мари.

— Хорошо, — согласилась женщина, шутливо подняв руки, словно сдавалась. — Клянусь, что пошлю за Мари, когда наступит время родов.

Мередит еще ненамного задержалась, заварив для Салли в чайнике принесенные Мари травы. Наконец она встала и попрощалась, пообещав навестить их ферму через неделю.

— Надеюсь, ребеночек к тому времени уже появится на свет, — погладив себя по животу, сказала Салли. — Не могу больше терпеть все это.

— Значит, я приеду к вам обоим в гости, — улыбнувшись, сказала графиня.

— И привезете медовые лепешки вашей кухарки? — с надеждой в голосе поинтересовалась

Салли, едва заметно причмокнув губами.

Улыбка Мередит стала шире. У нее уже вошло в привычку приносить корзинку с медовыми лепешками и прочими гостинцами всякий раз, когда у Финнеев появлялся на свет очередной ребенок.

— Конечно... И, поскольку ваше семейство все увеличивается, я, пожалуй, попрошу кухарку снарядить две корзинки.

Мередит вышла, оставив Салли в радостном расположении духа. Затянув свое пребывание у кровати беременной женщины, графиня не ожидала застать Колфилда возле дома. На поверку оказалось иначе... С накинутым на плечи сюртуком мистер Колфилд выглядел более-менее прилично одетым, хотя и не совсем. По крайней мере, теперь его мускулистый торс не бросался так вызывающе в глаза. На мужчине не было ни шейного платка, ни галстука, поэтому загорелая шея резко выделялась на фоне белизны его рубашки, край которой выбился из облегающих ноги бриджей для верховой езды. При виде этого лихого красавца у Мередит пересохло во рту. Влажные волосы переливались на солнце. Представив, как он умывается у колодца и капли стекают по его красивому телу, женщина почувствовала странное волнение.

Неприятно удивленная своими греховными

мыслями, Мередит поспешно отвела взгляд. Как оказалось, своего коня мистер Колфилд привязал рядом с ее лошастью. Оба животных покорно ждали, пока мужчина о чем-то болтал со старшей дочерью фермера. Никем не замеченная, Мередит со все возрастающей подозрительностью уставилась на эту парочку. Как для пятнадцатилетней, грудь у темноволосой Кейти была уж слишком налита. С мужчиной она вела себя куда более самоуверенно, чем большинство девушек. Прильнув к лорду Брукширу, она водила пальчиками по его руке. На губах мужчины застыла странная полуулыбка. Мередит понятия не имела, что она может означать. На первый взгляд, в ней было больше снисходительности взрослого к ребенку, но графиня могла бы поклясться, что за этим фасадом таится оскал голодного волка. Не исключено, что мужчина вознамерился соблазнить юную сельскую девчушку во время своего пребывания в Оук-Ране.

Губы Мередит плотно сжались. Она энергично зашагала в сторону парочки. Стек⁴ отбивал нервную дробь по голенищу ее сапожка. Двое заметили приближение графини, лишь когда Мередит взялась за поводья Петуньи. Кейти вздрогнула и с виноватым видом убрала руку.

---

⁴ Стек — здесь : хлыст.